

НЕ СКЛАДЫВАТЬ ОРУЖИЯ! (ОСВЕЩЕНИЕ РАБОТЫ ФИЛАРМОНИИ В СМИ)

Применительно к тематике конференции, проблема моего доклада, очевидно, должна быть уточнена следующим образом: как журналистика, освещающая деятельность филармонии, выполняет свою просветительскую миссию? Поскольку, с одной стороны, названная функция у музыкальной критики не единственная, а с другой, просветительские задачи возлагаются отнюдь не только на СМИ, необходимо вначале напомнить несколько теоретических положений.

Главное назначение критики, определяющее ее специфику как особого рода музыковедческой деятельности, – давать оценку текущей музыкальной жизни. Точнее, – анализ и оценку. Просветительские цели критика преследует попутно. В то же время, просветительство – основное назначение музыкального кружка, клуба; просветительство – составная часть педагогики и т. д. Применительно к филармонии о просветительстве чаще всего говорят в связи работой «лектора», но не следует забывать, что в этом состоит и предназначение филармонии в целом¹. Таким образом, в названном отношении два этих социальных института – концертные организации и музыкальная критика – суть близкие родственники. Вместе с тем, работа филармонии – один из центральных объектов музыкально-критической деятельности. Характеризуя общественные функции музыкальной журналистики, указывают на ее положение в качестве посредствующего звена между разными участками музыкальной культуры общества: между филармонией и слушателем, между филармонией и руководством музыкальной культурой, где чрезвычайно важен фактор обратной связи. Общественный контроль необходим и над самими органами управления². Другой авторитетный источник фиксирует разъясняющую и регулировочную функции художественной критики как присущие ей изначально³.

Словом, просветительство – пусть не главная, но неотъемлемая «составляющая» музыкально-журналистской работы. В связи с этой непреложной истиной часто цитируют П. И. Чайковского, прекрасно сказавшего о мотивах, побудивших его приняться за «музыкальные беседы с читателем»: «...я мнил приносить пользу моим согражданам, содействуя их музыкально-эстетическому развитию, направляя их вкус, руководя их мнением, разъясняя им достоинства и недостатки того или иного музыкального явления, подлежащего публичной оценке»⁴.

Заявленная проблема с указанными уточнениями рассматривается далее на примере Ростовской областной филармонии и СМИ столицы Южного федерального округа. Впрочем, знакомясь с жизнью музыкальной журналистики в других городах, можно прийти к выводу, что ростовская картина весьма типична для крупных областных центров страны.

Немаловажной гранью рассматриваемой проблемы является отношение самой филармонии к тому, что о ней пишут СМИ. Артисты, разумеется, о публикациях узнают, сообщают друг другу (иногда ксерокопия вырезки из газеты вывешивается у служебного входа), реагируя подчас весьма бурно. Бурю может вызвать даже публикация, где

¹ Согласно словарным определениям, филармония – концертная организация, основной целью которой является пропаганда музыкального искусства (некоторые словари уточняют: прежде всего, симфонического). Те же словари называют просветителем «прогрессивного общественного деятеля, распространителя передовых идей и знаний», а слово «просветиться» разъясняют как «получить знания, культурные навыки».

² Последнее положение, сформулированное в давние советские времена (Сохор А. Общественные функции музыкальной критики // Критика и музыковедение: Сб. ст. Л., 1975. С. 5), сохраняет актуальность, ибо в отношениях российских филармоний с вышестоящими инстанциями если что-то и изменилось, то только объемы финансирования.

³ Бернштейн Б. История искусств и художественная критика // Советское искусствознание – 73. М., 1974.

⁴ Чайковский П. Музыкально-критические статьи. Изд. 4. Л., 1986. С. 139–140.

филармония вообще не упоминается. Так, после концертного выступления симфонического оркестра нового музыкального театра одна из газет написала, что струнная группа звучала «без привычного скрипа и скрежета». В оркестре филармонии в мгновение ока сообразили, *чей* «скрип и скрежет» корреспондент (им был студент консерватории) считает привычным. Вспыхнул небольшой скандал, хотя скрытый упрек был несправедлив.

Филармония же как организация следит за газетами не слишком пристально: отслеживание, учет и создание фонда публикаций не налажены должным образом. Пока руководство не в полной мере осознает важность контактов с прессой, сколько-нибудь последовательной информационной политики не проводит. Интернет-сайт филармонии – тоже ведь средство массовой информации – находится в зачаточном состоянии, размещенные на нем сведения далеко не полны и не содержат оперативных данных. Положение дел несколько изменил 70-летний юбилей филармонии, отмечаемый в 2005 году: все коллективы собрали имеющиеся у них материалы; разложенные по папкам, они хранятся у директора – художественного руководителя (Ф. И. Ищенко). Пополненные материалами из других источников, они рисуют картину, на первый взгляд, вполне благополучную. Публикаций много: не забыт ни один творческий коллектив, немало статей посвящено солистам, анонсируются и рецензируются концерты. К этому следует добавить ряд радио- и телевизионных передач областного вещания.

Однако качество основной массы материалов оставляет желать лучшего. Музыкальные обозреватели отсутствуют «как класс». Соответствующий институт, существовавший в предреволюционные десятилетия даже в провинции, а ныне возрожденный в некоторых крупных изданиях, преимущественно столичных, в Ростове не создан и, похоже, никто не усматривает в этом насущной задачи. Тут видится не просто чье-то упущение или злая воля, но нарушение некой фундаментальной закономерности: чем более развита музыкальная жизнь, тем крепче стоит на ногах ее верный спутник – музыкальная критика. История российской музыкальной культуры конца XVIII – начала XX веков закономерность эту полностью подтверждает. В свое время Чайковский отмечал как отрадный факт появление рецензентов, стоящих «на высоте современных успехов музыки»⁵.

Ныне же в Ростове концертная жизнь по интенсивности и уровню профессионализма далеко обогнала своего «спутника». За немногими исключениями, о которых будет сказано особо, авторам, пишущим на темы культуры, не хватает компетентности. Мало кто имеет художественное, тем более музыкальное образование, включая самообразование. Порой это люди, которых, как говорится, «бросили на культуру». Отсюда целый ряд серьезных издержек.

Большинство изданий не держит филармоническую жизнь под постоянным наблюдением. События для освещения выхватываются случайно, а многие вовсе не находят отражения. Можно посочувствовать будущему историку, который намерится по газетным статьям воссоздать современную нам картину: она будет страдать заведомой неполнотой. Есть газеты (например, деловой еженедельник «Город N»), взявшие за правило реагировать только на «продолжающиеся события» – театральную премьеру, открытие выставки и т. п. Согласно такой концепции, статья адресована тому, кто, заинтересовавшись, может успеть сходить в галерею или театр. Интересы той категории читателей, которые хотели бы сравнить свои впечатления с компетентной оценкой газеты, не учитываются. При подобном подходе рецензия – своего рода «первичный жанр» художественной критики – решительно изгоняется с печатной полосы. А вместе с ней – жизнь филармонии вообще, ибо основой ее является событие «одноразовое» – концерт. Другая газета, «Вечерний Ростов» – самая тиражная в городе, выходящая 5 раз в неделю, – не нацелена на систематическое освещение работы филармонии по другой причине:

⁵ Чайковский П. Цит. Изд. С. 101.

жестко ориентирована на получение прибыли, увеличение тиража, и потому превыше всего ценит сенсацию. Поэтому может оставить без внимания большую часть сезона, но поместить заметку «Равиль Мартынов в больнице» (художественный руководитель симфонического оркестра, петербуржец, заболевший и скончавшийся в Ростове).

Жажда сенсации, помноженная на неосведомленность, побуждает и другие издания искать «жареные факты» там, где налицо сенсация подлинная, но незамеченная журналистом. «Музыканты Башмета в Ростове потеряли свои деньги!», – восклицает «Комсомольская правда на Дону». Читатель ждет под таким заголовком криминальной истории – ничего подобного: гастролер рассказывает, что, выступая без «Солистов Москвы», он невольно сокращает число концертов своего оркестра и тем самым лишает музыкантов части заработка. Как будто приезд в город прославленного артиста – сам по себе не сенсация! Какой прекрасный повод для просветительских высказываний: нелегкая судьба альта, его фантастический взлет в XX веке, неповторимые свойства инструмента... Ничего из этого не заинтересовало ни одного ростовского газетчика, ни о чем таком читателю не поведано. Одна из радиостанций вообще назвала Башмета скрипачом. О чем идет разговор с маэстро в упомянутом интервью, можно судить по подзаголовкам: «Башмет и ростовчане» (он уроженец Ростова), «Башмет и семья», «Башмет и „башметовки“» (поклонницы).

Характерна история с публикациями об Ансамбле донских казаков. Ростовчане месяцами не слышат о существовании знаменитого коллектива. Но вот в 1999 году случилось ЧП: свыше 30 артистов не вернулись в Россию после гастролей по США и Канаде. Тут о «Казаках» вспомнили все местные газеты и некоторые федеральные (привожу заголовки): «Донские казаки пляшут в Америке в Еврейском культурном центре и скучают по русской рыбалке», «Как солистка ансамбля „Донские казаки“ стала американской няней», «Казаки с возу – Квасову легче» (художественный руководитель ансамбля Анатолий Квасов – народный артист России, лауреат Государственной премии им. Глинки, профессор). В изложении фактов статьи вопиюще противоречили друг другу.

Как реагирует та же «Вечерка» на выступление с симфоническим оркестром итальянского дирижера? Интервьюер задает гастролеру восемь вопросов, из которых только три последних имеют отношение к цели приезда. Четыре самых «горячих» касаются впечатлений от города, русской кухни, водки и зимы (хорошо, что обошлось без медведей, матрешек и прочей «клюквы»). Название материала – «Итальянскому дирижеру нравятся активные люди и русская водка».

Все это – примеры многочисленных упущенных возможностей, как «разъясняющих» (просветительских), так и «регулирующих» (обратная связь).

Пристрастие к жанру интервью – отдельная тема для разговора. Складывается впечатление, что основная масса пишущей братии убеждена: не знаешь, о чем писать, – возьми интервью. Глубокое заблуждение, об опасности которого знает любой студент журфака! К интервью следует готовиться так же тщательно, как и к статье. В противном случае остается спрашивать о водке и «башметовках», получать соответствующие ответы и печатать тексты, которые равным счетом ничего не говорят ни музыкантам, ни любителям музыки, ни потенциальным слушателям, расширять круг которых – прямая обязанность музыкальной критики как субъекта просветительской деятельности.

К числу слабых мест ростовской музыкальной критики следует отнести нейтральный или неумеренно восторженный тон высказывания, смещение ценностных критериев (когда, к примеру, весьма посредственный музыкант объявляется европейской знаменитостью, а подлинные артисты попросту игнорируются), искажение имен, названий, фактов.

Если в советские времена в небогатой жанровой палитре донской музыкальной печати преобладала расширенная информация, то ныне на передний план выдвинулась *рецензия-впечатление*. Прежде *оценка* события была большой редкостью по причинам так или иначе государственно-идеологическим (одна из них: право «указывать на недостатки»

резервировали за собой официальные инстанции), то в наши дни подлинной художественной оценке препятствует дефицит анализа, должностящего искомую оценку аргументировать. К анализу большинство журналистов не способны; редакторы же избегают его из ложно понятой заботы о читателе.

Слова и выражения, хотя бы отдаленно напоминающие специальные термины, безжалостно изгоняются, хотя в футбольных репортажах и советах садоводам соответствующая лексика может фигурировать («офсайды», «скрытые пасы», «форварды», «вегетация», «промульчирование» и т. п. в изрядных количествах). Молчаливо подразумевается, что человек, посещающий стадион или имеющий дачный участок, не может не понимать соответствующей терминологии. Почему-то на любителей музыки и профессиональных музыкантов подобные соображения не распространяются. Нельзя не вспомнить в связи с этим, что сто лет назад ростовская пресса была совсем иной. Редактор не возражал, а рецензент был готов вести с читателем разговор о динамических оттенках, темпах (необходимые слова набирались латиницей), регистрах певческого голоса, звучании оркестровых групп. Трудно поверить, что век спустя в городе с миллионным населением, развитой музыкальной инфраструктурой некому и не с кем беседовать посредством СМИ на эти темы...

Редко встречаются на страницах ростовской прессы и *обзоры* концертно-театральной жизни – жанр, по определению тяготеющий к проблемности и широким обобщениям, а следовательно – к пафосу просветительства.

Таким образом, не только поверхностность содержания, но и тесно связанная с нею ограниченность жанрового диапазона публикаций на темы музыки лишает журналистику просветительского начала. Такую прессу вряд ли можно считать «распространителем передовых идей и знаний» и «культурных навыков». Кого она воспитывает? По острому слову М. Цветаевой, – «жевателей мастик», «глотателей пустот».

Не имеющие в своем штате «перьев», способных грамотно писать о музыке, газеты в то же время не слишком жалуют осведомленных «чужаков». Эта закрытость СМИ, куда большая, чем в доперестроечные годы, в интересующем нас плане являет собой острейшую проблему. Повторю аксиому: просвещать может только просвещенный. Следует признать: дежурные упреки редакторов относительно неумения профессиональных музыкантов общаться с широкой аудиторией, погруженности в узко специальные вопросы имеют под собой известные основания. И все же опыт показывает, что музыковед может воспитать в себе журналиста, журналисту же стать музыкально образованным человеком куда труднее. Да и случаев, когда журналист выказал бы подобное стремление, известно немного.

Ситуация выглядела бы вовсе унылой, если бы не несколько отрядных исключений. Иными словами, если бы не деятельность нескольких человек, пишущих и говорящих о музыкальном искусстве с пониманием: а) предмета разговора, б) специфики журналистики как отрасли литературы и в) своих задач, включая просветительские.

Иногда на страницы печати все-таки попадают материалы, написанные музыкантами. Как невесело шутит один из них, – по недосмотру редакции. Среди них, в частности, музыковеды, доценты консерватории Г. Калошина, И. Дабаева, некоторые другие. Порой удается «прорваться» студентам, проходящим практику по музыкальной журналистике⁶.

В редакции «Новой городской газеты» служили Анна Колобова, выпускница теоретико-композиторского факультета консерватории и Александр Хавчин, скрипач по образованию и литератор по призванию. И это издание, и эти авторы должны быть выделенными особо. В еженедельнике существовала специальная полоса «Культура», нередко целиком посвященная одной теме. Героем одной из них, подготовленной А.

⁶ Однако делать это все труднее, что служит причиной отказа некоторых студентов, имеющих очевидные публицистические наклонности, от специализации в этой области. Таким образом, СМИ не только не имеют квалифицированных кадров, но и неумышленно препятствуют их воспитанию.

Колобовой под названием «В городском саду играет кто угодно, но только не духовой оркестр» (2003, № 38), стал Концертный оркестр духовых инструментов им. В. Н. Еждика. Броско сверстанная, полоса включала около десяти сжатых материалов, в том числе – интервью с художественным руководителем, сведения о творчестве в этой сфере современных композиторов, включая ростовчан, заметки «Почем нынче фаготы» и «Трубы не в моде», информацию о составе духового оркестра, микроинтервью с тремя горожанами, отвечающими на вопрос: «Вы не скучаете по духовому оркестру?» Такая подача материала может служить образцом газетного просветительства.

Еще одна полоса «НГГ», «Где, когда, что», является концертно-театральной и кино-афишей, но содержащей самую разную дополнительную информацию – об артисте, программе, жанре и т. п., поданную предельно лаконично и нетривиально.

Совсем иначе, чем в других газетах, выглядит диалог с руководителем «Ансамбля донских казаков» – живое, проблемное, серьезное по мысли и вполне популярное по форме. Впечатление такое, что перед нами «другой» Анатолий Квасов.

Увы, газета закрыта, А. Хавчин живет в Германии, А. Колобова – в отличие от своих коллег, которых неразумно «бросили на культуру», – «брошена» на другие темы...

Самая яркая персона среди активно действующих сегодня журналистов – Наталия Зограбян, некоторое время работавшая в газете «Ростов официальный», а с недавнего времени – редактор отдела культуры газеты «Седьмая столица», позиционирующей себя как «еженедельная независимая аналитическая». Имеющая два вузовских диплома, архитектора и театроведа, всю жизнь вращающаяся в художественной среде, она является просвещенным и достаточно квалифицированным любителем музыки. Фирменные знаки ее стиля – тщательное, почти без пропусков, отслеживание событий филармонической жизни (это притом, что пишет и об опере, драматическом театре, художественных выставках); тонкий вкус, нелицеприятность оценок; ясное представление о российском и мировом культурном контексте; определенность эстетической позиции, заявленной с подкупающей эмоциональностью.

Более полно использует она спектр музыкально-критических жанров, нередко прибегая к обзору, в котором объединены отклики на два и более концертов. Порой пишет «суперобзор», охватывая панорамно увиденные события, произошедшие в течение года в театрах, филармонии, консерватории. Что особенно важно: не только события, но и тенденции, проблемы.

Все это служит предпосылками к тому, чтобы ненавязчиво ввести в тексты просветительские мотивы. Не сбиваясь на лекционно-менторский тон, Н. Зограбян никогда не упускает возможность хотя бы немного расширить кругозор читателя посредством то исторического экскурса, то упоминания иных трактовок исполнявшегося сочинения. Примеры, к счастью столь многочисленны, что их можно не приводить. Своего рода воспитательно-просветительской акцией, на которую отваживаются (способны) немногие критики, можно считать недвусмысленное противопоставление собственной оценки – реакции публики. «...Чувствовала себя не в своей тарелке, когда филармонический зал одаривал маэстро... (имярек) восторженными аплодисментами», – начинает она статью «Экстремальный Чайковский». Впечатления подкреплены аргументами (дирижер «избавил Четвертую симфонию от душевности», чрезмерная экстравагантность его сценического поведения «бросала вызов самой музыке») и поиском причин неудачи: стажировавшийся у Л. Бернштейна, дирижер перенял и утрировал его повадку, но не смог унаследовать «подлинное, высокое переживание музыкального текста» («Ростов официальный», 2002, № 41).

Даже чисто репортажное наблюдение вызывает у журналиста исторические ассоциации, полезные адресату: «малюсенький скандальчик», вспыхнувший у входа филармонию, куда не могли попасть все желающие услышать «Весну священную», напоминает автору (а автор – читателю) о «большом скандале», «организованном в

Париже в 1913 году тройкой великих россиян – И. Стравинским, Н. Рерихом и В. Нижинским» («Седьмая столица», 2002, 30 сентября).

Удивительно, но редакторы обеих газет, доверяя своему сотруднику, оставляют в ее материалах «политональные построения», «полыхающее пламя стихийных диссонансов», «рваные ритмы», «традиции Ренессанса и барокко», «принцип аутентичности» и многое другое в этом роде.

Взгляд на музыкальную жизнь с высокой точки обзора позволяет хорошо различать ее «узкие места» и говорить о них вслух. Лейтмотивом публикаций Н. Зограбян на протяжении ряда лет звучит мысль о том, что любимый ею оркестр обижен недостаточным вниманием областных и городских властей, об отсутствии настоящей рекламы, эффективного менеджмента; она – единственная, в чьих публикациях встречаются слова «областное министерство культуры». Анализируя и оценивая не только прошедшие концерты, но *деятельность филармонии как учреждения*, затрагивая вопросы организации работы, журналист тем самым помогает филармонии осуществлять свою просветительскую деятельность, а органам управления – этой деятельностью грамотно руководить. Увы, помощь эта не востребована.

В сфере электронных СМИ фактически единственный музыкант-профессионал – Наталия Мещерякова. Музыковед по образованию, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории музыки консерватории, она уже много лет работает редактором музыкальных программ ГТРК «Дон–ТР». Будучи человеком деятельным, инициативным, создавала и вела в разные годы передачи «Джазовая панорама», «Наши фольклорные традиции», «Письма и песни». Сейчас, когда пространство музыки в эфире стало вновь сужаться, Н. Мещеряковой удалось сохранить не так уж мало. Она непременный участник информационно-аналитических передач общего типа: готовит страницу о музыке в радиожурнале «Панорама недели», раз в неделю – 5-минутный очерк в передаче «Новый день». Ведет две авторские программы. «Музыкальная жизнь Дона» – еженедельный журнал, включающий обзор событий за неделю и выделенный из такого обзора объект (собственно событие, персона, коллектив) для подачи «крупным планом». Формат «Музыкальной гостиной» предполагает свободную, направляемую ведущей беседу нескольких человек в прямом эфире, в интерактивном режиме (звонки слушателей в студию, диалог с ними), что вполне отвечает современным представлениям.

На телевизионном рынке по-прежнему доминирует «госсектор» – уже упомянутая ГТРК «Дон–ТР». В течение многих лет отдел художественного вещания производил две передачи – «Провинциальный салон» и «Камертон», обе еженедельные. К предмету нашего разговора имеет отношение вторая, точнее, одна из ее постоянных рубрик – «Филармонические сезоны», называвшаяся ранее «Приглашает Ростовский симфонический» (две другие посвящены народному творчеству и джазу). Таким образом, региональное телевидение как пропагандист филармонического искусства «говорит и показывает» не более 20 минут в неделю. Успеть за это время можно не слишком много, но, думается, и эти минуты используются недостаточно. В основном, филармоническая страница ограничивается вяло поданной информацией: фрагмент концерта, интервью с «героем» (реже – о нем) или его монолог. Изобразительный ряд довольно беден, монтаж анемичен. Преодоление нехитрого принципа «что слышим, то и показываем» запомнилось лишь одно – когда на исполнение «Океана Солярис» Э. Артемьева накладывались кадры из кинофильма А. Тарковского. Просветительский эффект таких программ минимален. Насущных проблем, стоящих перед филармонией они не касаются.

Последнее – общая беда всех, кто освещает ее деятельность. Никто никогда даже не поставил вопросов, к примеру, о координации деятельности филармонических коллективов, о художественно-творческой концепции концертного сезона, о работе филармонии со СМИ, о собственной печатной продукции и т. п. Говорят, сейчас в филармонии собираются создавать отдел менеджмента и рекламы, но узнать об этом можно только случайно, в приватной беседе, а не из газет. После безвременной кончины

Р. Мартынова назначен и. о. художественного руководителя и главного дирижера – что дальше: будет ли объявлен конкурс? если да, то когда? на каких условиях? кто войдет в конкурсную комиссию? Событие (равно его отсутствие), которое определит судьбу коллектива на годы, может быть, десятилетия вперед никак не обсуждается, давая нежелательную возможность решить вопрос аппаратными методами.

Занимаясь «критикой критики», предъявляя ей претензии, пусть и вполне обоснованные, не следует забывать, в каких сложных условиях она существует. Если в доперестроечные времена собственно критические выступления редко попадали на страницы газет, но уже попав, воспринимались едва ли не как директива (что сковывало критика «боязнь навредить»), то ныне такие выступления попросту остаются без внимания (что обескураживает, как поединок с призраком). Музыкальная критика в большей мере, чем раньше, оказалась между «молотом и наковальней», то есть между незаинтересованным в ней редактором и настроенно относящимся к ней «руководством культурой». Есть еще и третья сторона – не приученный к умной, профессиональной, серьезной (не путать со скучной) речи *читатель*. Парадоксально это или нет, но в просветительском воздействии объективно нуждаются все три стороны: не только читатель, но и редактор, и «начальник». Осознав непомерность задачи, критик может «опустить руки». Возможно, его утешат слова Чайковского из уже цитированной статьи: «...последнее время я находился под гнетом глубочайшего, безнадежнейшего разочарования в пользе и значении моего подвизательства на поприще музыкальной критики.<...>

<...>

Но... период разочарования в степени пользы, приносимой моей фельетонной деятельностью, кончился, и душа моя вступила в тот фазис искусившегося в жизни человека, когда, потеряв веру в близкое осуществление своих идеалов, он все-таки не складывает оружия и намерен неуклонно продолжать борьбу в надежде, что самая назойливость его обратит на себя, наконец, внимание, голос его будет хоть сколько-нибудь услышан, и вещаемая, по мере сил, истина принята к сведению»⁷.

В известном смысле, просветительство сродни медицине: оно – не на время, вплоть «до выполнения поставленной задачи». Просветительство – навсегда.

Р. С. Пока писалась эта статья, положение дел ухудшилось.

Газета «Седьмая столица» больше не выходит: арестованы счета. В том, что причина закрытия – оппозиционность областной власти, ни у кого нет сомнений: этакий «спор хозяйствующих субъектов» областного масштаба.

Выпуск радиопередачи «Музыкальная гостиная» приостановлен до обретения ею спонсора. Положение «Музыкальной жизни Дона» в сетке вещания нестабильно, эфирное время передачи сократилось с 50 до 23 минут.

Телепрограмма «Камертон» прекратила свое существование в связи с реорганизацией ВГТРК.

Март–май 2005 г.

*Музыкальное просветительство – век XXI: Материалы конференции-семинара.
Вологда, 2005.*

⁷ Чайковский П. Цит. Изд. С. 139, 142–143.